

Победы и поражения США и РФ в асимметричных конфликтах XXI века

Дериглазова Лариса Валериевна, НИ ТГУ, Томск, Россия

Контактный адрес: dlarisa@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности вооруженных конфликтов в начале XXI в. через призму теории асимметричного конфликта. В рамках теории выделяют базовые и сопутствующие асимметрии, которые определяют причины политического, а не военного поражения развитых стран в войнах против относительно слабых противников. В начале XXI в. большая часть вооруженных конфликтов имеет выраженные признаки множественных асимметрий, что влияет на ход и результаты конфликтов. На основе теории можно выделить несколько важных аспектов, которые следовало бы учитывать военным и политикам при планировании и проведении военных операций. Среди них: легитимность военных операций с точки зрения международного права, нейтрализация антивоенных настроений, минимизация потерь военнослужащих, обеспечение безопасности населения в зоне военных действий. Для зарубежной аналитики характерен фокус на причинах неудач США и других государств Запада в военных операциях в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии. Среди причин неудач называют непонимание культуры и особенностей стран ведения военных действий, режим оккупации, попытки нациестроительства. Некоторые зарубежные эксперты отмечают, что РФ гораздо успешнее участвует в асимметричных конфликтах XXI в. Среди российских военных экспертов замечен интерес к разработке стратегии «асимметричной войны» в рамках геополитического противостояния со странами Запада. Универсальный характер имеет тенденция развития бесконтактных методов ведения борьбы и привлечения частных военных компаний для нейтрализации антивоенных настроений и минимизации потерь военнослужащих. При этом все более острой является проблема неизбирательности таких методов ведения войны и их соответствия международному праву. Теория асимметричного конфликта является теорией международных отношений, основные презумпции которой полезно учитывать политикам и военным в процессе принятия решений о начале военных действий и возможности достижения политических целей военными средствами, а не только для нахождения победоносных стратегий в асимметричных конфликтах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*асимметричный конфликт, теория асимметричного конфликта,
асимметричная война, США, РФ*

Целью статьи является рассмотрение вооруженных конфликтов начала XXI в. с использованием теории асимметричного конфликта. Такая постановка проблемы объясняется несколькими обстоятельствами. Теория асимметричного конфликта была разработана применительно к военному опыту великих держав на периферии международной системы в период распада колониальных империй¹. Согласно изначальной формулировке, асимметричные конфликты представляли собой вооруженное столкновение несоизмеримых по силе и статусу противников, где сильная сторона (великая держава) проигрывала слабому противнику. Многочисленные вооруженные конфликты послевоенной эпохи имели несколько особенностей, что позволяло экспертам применять термин «асимметричный» и вне предложенной теории. Конфликты были преимущественно внутренними, где борьба происходила между государственными и негосударственными акторами, оспаривающими центральную власть, – *асимметрия статусов* противников. В большинстве таких конфликтов слабая сторона использовала партизанские и террористические методы борьбы против регулярных вооруженных сил превосходящего противника – *асимметричные методы* борьбы. Значительная часть внутренних конфликтов на периферии мировой системы была интернационализирована за счет участия развитых стран – *асимметрия силовых возможностей* и ресурсов.

Чаще всего в первые два послевоенных десятилетия воевали Франция и Великобритания на территориях, входивших в колониальные империи. В течение всего послевоенного периода активно воевали также США, СССР/РФ и КНР². Все пять стран являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, владеют ядерным оружием и обладают статусом великой державы. Термин «великие державы» является все более дебатруемым, причем для России и США этот статус воспринимается как приемлемый и даже желаемый³. Первые два десятилетия XXI в. дают примеры вооруженных конфликтов с участием развитых стран, однако эти кампании не всегда заканчиваются победой – военной или политической⁴. Многие аналитики, журналисты, политики и военные используют термин «асимметричный» для характеристики актуальных конфликтов, при этом остается открытым вопрос: насколько применение термина соотносится с теорией асимметричного конфликта? Отвечая на него, необходимо уточнить: какую эвристическую ценность имеет данная теория для понимания сути текущих конфликтов? Какое значение имеет теория в процессе принятия решений о начале вооруженных действий и как она учитывается в стратегии и тактике?

В статье основной акцент делается на опыте асимметричных конфликтов и интерпретации теории асимметричного конфликта в США и РФ. Вначале будет кратко представлена теория асимметричного конфликта, затем особенности вооруженных конфликтов начала XXI в. и их результаты. Анализ использования презумпций теории асимметричного конфликта позволит сделать вывод о ее эвристической ценности и прикладном использовании.

1 Mack 1975.

2 Deriglazova 2014, 101–109.

3 Cleveland, Egel 2020; Боришполец 2022.

4 Angstrom, Duyvesteyn 2006.

Теория асимметричного конфликта

Пионером разработки теории асимметричного конфликта по праву считают политолога Э. Мака, который в 1975 г. сформулировал ее основные идеи в статье «Почему большие нации проигрывают малые войны?». Э. Мак, основываясь на анализе войны США во Вьетнаме 1962–1975 гг., доказывал, что асимметричные конфликты показали неспособность великих держав доминировать в третьем мире. В асимметричных конфликтах великие державы терпели политическое, а не военное поражение, что показывает ограниченность стратегического анализа, основанного на учете преимущественно силовых возможностей противников. В рамках теории Э. Мак разделил политическое и военное поражения, так как великие державы даже при военном доминировании вынуждены прекращать военные действия, не достигнув поставленных целей. Привычная формула установления мира на условиях сильной и победившей стороны была разрушена.

Э. Мак выдвинул несколько гипотез о причинах парадоксального поражения великих держав: 1) потеря ими политической воли к продолжению войны; 2) логика ограниченной войны для сильной стороны против тотальной войны для слабой стороны; 3) применение асимметричных стратегий борьбы слабой стороной; 4) влияние невоенных факторов на исход борьбы – внутриполитических, социальных, международных¹. Во второй половине XX в. многие исследователи обращались к проблеме поражения сильных противников, не всегда используя теорию асимметричного конфликта². Любопытно, что Э. Мак, первооткрыватель этой теории, не опубликовал ни одной работы в ее развитие, хотя продолжал оставаться активным и авторитетным экспертом в области международных отношений до последних дней своей жизни.

Формулируя целостную теорию асимметричного конфликта, можно выделить *базовые асимметрии*, которые определяют комплекс асимметричных отношений между противниками вследствие базовых несоразмерностей. К базовым асимметриям исследователи относят ресурсные и силовые возможности противников и их статусы. *Сопутствующие асимметрии* включают: асимметричные формы борьбы (партизанские, затяжные войны с использованием террористических действий); мобилизационные возможности и отношение воюющих сторон к конфликту (воля к победе); завершение конфликта как политическое, а не военное поражение сильного и победа слабого противника (парадоксальное проявление асимметрии). Асимметричный конфликт стоит рассматривать в рамках системы, представляющей собой государство или систему международных отношений с существующей в ней иерархией сил, зависимостей и возможностей разных акторов системы³.

Потерю политической воли к продолжению военных действий у сильного участника конфликта аналитики объясняют следующими факторами: 1) затяжная война без определенных успехов; 2) борьба регулярных вооруженных сил

1 Дериглазова 2010, 52.

2 Organski, Kugler 1980.

3 Deriglazova 2014, 44–45.

против соперника, использующего партизанские и террористические формы борьбы; 3) антивоенные настроения в обществе; 4) усиление раскола в политической элите, особенно во время выборов; 5) поддержка слабого участника другими сильными противниками; 6) отрицательное отношение международного сообщества к целям и средствам ведения войны¹.

Похожим, хотя и не тождественным, образом, среди причин победы слабой стороны в конфликте исследователи отмечали факторы, совокупность которых можно объединить в аналитическую модель: 1) сохранение воли к победе и способности к массовой мобилизации людей и ресурсов на борьбу на протяжении длительного времени; 2) продолжение борьбы и отказ от поражения в противостоянии с преобладающим в силе противником; 3) поддержка населением партизан и террористических групп; 4) консолидация политической элиты и всего общества на борьбу; 5) получение материальной, военной, технической и иной помощи от сторонних сил; 6) апелляция к международному сообществу в поддержку справедливых целей борьбы и осуждение аморальности целей и методов ведения войны сильной стороной².

Основными единицами анализа в рамках теории асимметричного конфликта являются: статусы, силовые возможности и ресурсы участников вооруженных конфликтов, применяемые тактики и стратегии борьбы, индикаторы победы или поражения и влияние невоенных факторов. Значение некоторых факторов можно оценить, используя количественные методы: силовые и мобилизационные возможности, ресурсы, общественное мнение, людские потери, расходы на ведение войны, экономические последствия, рост оппозиционных настроений. Для других параметров оценка возможного исхода вооруженного столкновения представляется сложной задачей, требующей скорее качественных методов анализа. Такие факторы плохо поддаются квантификации, хотя попытки предпринимаются³.

Важным направлением развития теории асимметричного конфликта в начале XXI в. является обращение к причинам поражения демократий в таких войнах. Израильский исследователь Г. Мером выделил дилеммы участия демократических стран в асимметричных конфликтах. Демократиям трудно совместить жестокость методов антиповстанческих войн и ценности гуманизма, ведение войны и готовность общества на жертвы ради победы, а также обеспечить общественную поддержку войне при сохранении демократических принципов⁴. Историки и военные, которые изучали войны развитых стран в третьем мире, называли схожие причины политических неудач. Классическим сюжетом, которому посвящено огромное количество исследовательской литературы, является война США во Вьетнаме, осмысление «уроков Вьетнама»⁵.

Другое важное направление развития теории – это обсуждение выбора победоносной стратегии и тактики в асимметричных конфликтах, что отражено в работах аналитиков и военных развитых стран. Американский политолог И. Аррегин-

1 Deriglazova 2014, 52.

2 Ibid., 54.

3 Organski, Kugler 1980; Arreguin-Toft 2005; Тетерюк, Чижевский 2015; 2016; 2018; Kztelman 2020.

4 Merom 2003, 229–231.

5 Prados 2009.

Тофт привел подсчеты побед и поражений в асимметричных конфликтах, и, согласно его данным, сильные страны потерпели поражение почти в половине столкновений после Второй мировой войны¹. И. Аррегин-Тофт предложил теорию стратегического взаимодействия и выделил два идеальных типа борьбы – прямая и непрямая. Прямые стратегии включают действия регулярной армии против вооруженных сил противника, направленные на разрушение его силовых возможностей и ресурсов, что уничтожает *способность* продолжать войну. Такие стратегии обычно называют конвенциональными. Непрямые стратегии направлены на разрушение *воли противника* к продолжению борьбы, подрыв его способности к мобилизации. По мнению И. Аррегин-Тофта, если обе стороны выбирают одинаковую стратегию (прямая / прямая или непрямая / непрямая), то сильная сторона может быстро одержать решающую победу. Если же противники выберут разные стратегии, то более вероятной будет победа слабого. И. Аррегин-Тофт указывал на *варварские формы борьбы* как часть не прямой стратегии, которую используют государственные и негосударственные акторы для достижения военных или политических целей. Среди варварских форм борьбы он назвал «намеренное и систематическое причинение вреда некомбатантам (изнасилования, убийства, пытки)»². И. Аррегин-Тофт также ссылался на проблему «социальной безразличности демократий», которые проигрывают малые войны из-за негативного отношения общества к таким войнам. Помимо варварских методов борьбы сильная сторона втягивается в затяжные войны на истощение или вынуждена идти на кооптацию противника, что требует больших расходов, политических компромиссов и принуждения противника к политическим и экономическим реформам³.

Проблема урегулирования асимметричных конфликтов является важным аспектом их изучения⁴. Е.А. Степанова, признанный специалист по изучению конфликтов и проблем терроризма, указывает на необходимость переводить вооруженную борьбу с радикальными движениями в русло политики, интегрировать их в существующие политические структуры, что позволяет постепенно разрушать их сетевую организацию⁵. Стратегия кооптации и пацификации радикальных элементов через интеграцию в политический процесс известна давно. Она активно использовалась во время военных действий во Вьетнаме, в Северной Ирландии, в Чеченской республике, в процессе ближневосточного урегулирования⁶. Известны и проблемы, возникающие при реализации такой стратегии: непоследовательность кооптируемых радикалов, проблемы контроля над всей сетью радикальной организации, нередко высокая цена такой кооптации и ее ненадежность⁷.

Таким образом, теория асимметричного конфликта сформулирована как комплекс гипотез, которые указывают на наличие зависимостей между выявленными факторами, определяющими исход вооруженных конфликтов между не-

1 Arreguin-Toft 2005, 3–4.

2 Ibid., 31.

3 Ibid., 222–223.

4 Fisher 2010.

5 Stepanova 2008, 153, 161–164.

6 Edwards 2011.

7 Russel 2007.

равными в силе, статусе и ресурсах противниками. Исследователи верифицируют гипотезы на конкретно-историческом материале и предлагают способы учета зависимостей при оценке хода и завершения асимметричных вооруженных конфликтов с участием развитых стран.

Асимметричные вооруженные конфликты XXI в. и их результаты

Два десятилетия XXI в. продолжили тенденцию увеличения числа вооруженных конфликтов после окончания холодной войны. В «Ежегоднике СИПРИ» за 2021 г. отмечено, что в 2020 г. в 39 странах шли вооруженные конфликты, что больше, чем в 2019 г. Почти половина конфликтов (18) могут быть классифицированы как войны с большим числом жертв: в Афганистане и Йемене число жертв превышало 10 тыс. человек в год, – и 16 конфликтов достигли уровня войны (более 1 тыс. человек в год, но менее 10 тыс.). Большая часть вооруженных противостояний являлась внутренними конфликтами между правительством и организованной политической группой по поводу территории и/или власти. Значительная часть вооруженных конфликтов была интернационализирована за счет участия других стран¹. Эти данные показывают, что большая часть вооруженных конфликтов в начале XXI в. является асимметричными по базовым элементам (статусы, силовые возможности и ресурсы участников конфликтов), что отмечают многие аналитики².

Особенностью войн нового века является активное участие в них развитых стран. Наиболее заметными были военные действия коалиций стран в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии. Глобальная война с террором, объявленная США после терактов сентября 2001 г., сформировала тенденцию к превентивному вторжению и использованию военной силы против недемократических режимов. Две большие войны на Ближнем Востоке – в Афганистане в 2001–2021 гг. и в Ираке в 2003–2011 гг. – были инициированы США, однако в Ираке воевала «коалиция желающих» 49 стран, а в Афганистане осуществлялась операция стран НАТО, в которой принимало участие 30 государств. Вооруженные конфликты XXI в. с участием России включают вторую Чеченскую кампанию (1999–2009), грузино-южноосетинский конфликт, или «Пятидневную войну» (2008), а также конфликт с Украиной (продолжающийся в форме опосредованного столкновения с 2014 г. и перешедший в «горячую» фазу с февраля 2022 г.), участие в войне в Сирии (с 2015 г.) и миротворческую миссию в Нагорном Карабахе (с 2020 г.). Начало специальной военной операции (далее – СВО) России на Украине 24 февраля 2022 г.³ отражает новый уровень прямого военного столкновения двух стран при активной поддержке Украины странами НАТО и официальном осуждении действий России большинством государств, что отражено в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2 марта 2022 г.⁴

1 Ian Davis, and Jaïr van der Lijn, "Global Developments in Armed Conflicts, Peace Processes and Peace Operations," SIPRI Yearbook 2021, accessed May 30, 2022, <https://www.sipri.org/yearbook/2021/02>.

2 Stepanova 2008; Tierney 2015.

3 Брифинг официального представителя Минобороны России // Министерство обороны Российской Федерации. 24 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://z.mil.ru/spec_mil_oper/news/more.htm?id=12410575@egNews (дата обращения: 30.05.2022).

4 Генассамблея ООН потребовала от России «немедленно» вывести свои войска из Украины // Организация Объединенных Наций. 2 марта 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1419092> (дата обращения: 27.05.2022).

Использование военной силы и военное вмешательство во внутренние конфликты в рамках миротворческих операций, операций по принуждению к миру и контртеррористических операций являются заметной тенденцией начала XXI в. Такие операции реализовывались без санкции ООН и осуществлялись в рамках широко толкуемых угроз международной или национальной безопасности. Военные операции в Афганистане и Ираке не получали одобрение ООН, однако позже действия коалиций были подкреплены специальными политическими миссиями ООН по восстановлению мира¹. С 2011 г. западные страны приняли активное военное участие в двух внутренних конфликтах на стороне оппозиционных сил – в Ливии и Сирии – без размещения военных контингентов и осуществления режима оккупации. ООН создала специальную политическую миссию для Ливии в 2011 г. с целью политического урегулирования конфликта². Для Сирии в 2014 г. был создан офис Специального посланника³.

Военные кампании в Афганистане и Ираке имели ряд важных особенностей. Они были направлены на уничтожение центров международного терроризма для обеспечения международной безопасности в долгосрочной перспективе⁴. Для ведения военных действий были сформированы большие коалиции развитых стран. Афганистан и Ирак были оккупированы иностранными войсками, была разрушена существовавшая система госуправления. Была сделана попытка создания новых местных органов власти на демократических принципах. Режим оккупации сохранялся на протяжении продолжительного времени, а вывод иностранных войск привел к резкому ухудшению ситуации в странах и в регионе в целом. После вывода войск США из Ирака в декабре 2011 г. появляется Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная в России) в форме квазигосударства, воплотившего в себе антизападную идеологию в радикальной форме⁵. В 2015 г. наибольшим вызовом безопасности стала экспансия ИГИЛ на значительную территорию Ирака и Сирии. Россия вступила в сирийский конфликт осенью 2015 г. в ответ на приглашение правительства Сирии и разместила на территории страны свои базы и военный контингент⁶. Борьба с ИГИЛ потребовала мобилизации ведущих держав, что позволило в основном уничтожить ИГИЛ к концу 2018 г., а правительству Сирии во главе с Б. Асадом – восстановить контроль над большей частью территории страны⁷.

Военные операции в Афганистане и Ираке в рамках глобальной войны против террора однозначно оцениваются большинством аналитиков как провальные. Обе операции формально завершены, однако их негативные последствия повысили, а не уменьшили уровень опасности в регионе и мире. Аналитики из

1 "United Nations Assistance Mission for Iraq (UNAMI)," UN DPPA, accessed May 30, 2022, <https://dppa.un.org/en/mission/unami>; "United Nations Assistance Mission in Afghanistan (UNAMA)," UNAMA, accessed May 25, 2022, <https://unama.unmissions.org/about>.

2 "United Nations Support Mission in Libya (UNSMIL)," UN DPAA, accessed May 30, 2022, <https://dppa.un.org/en/mission/unsmil>.

3 "Special Envoy Syria," UN DPAA, accessed May 29, 2022, <https://dppa.un.org/en/mission/special-envoy-syria>.

4 Ewans 2005.

5 Степанова 2020.

6 Миссия в Сирии // Министерство обороны РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://syria.mil.ru/split.htm> (дата обращения: 20.05.2022).

7 Аксенов, А.Г. Сирийский кризис: тернистое движение от войны к миру // Валдайские записки №104. 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-104/> (дата обращения: 28.05.2022).

разных стран, в том числе США, выделяют следующие долгосрочные негативные последствия: ухудшение системы региональной и международной безопасности; разрушение существовавшего баланса сил в регионе; не уничтожение террористических групп и движений, а, напротив, создание основы для формирования новых антизападных движений радикальной направленности; гибель сотен тысяч людей, включая гражданское население; ситуация гуманитарной катастрофы в регионе и миллионные волны миграции из него; невосполнимый ущерб экономике региона, его культурному наследию и т.д.¹

Примеры Ливии и Сирии отличаются от войн в Афганистане и Ираке тем, что не сопровождались масштабным военным присутствием иностранных государств и режимом оккупации, хотя вмешательство повлияло на местные политические институты. В случае Ливии это привело к разрушению существующих политических институтов, к расколу страны на две части и непрекращающимся военным действиям. В Сирии западные страны поддерживали оппозицию через поставки оружия и прямое военное участие без дислокации военных контингентов. Выступление России на стороне правительства Сирии позволило сохранить существующие политические институты и сокрушить ИГИЛ. Победа над ИГИЛ является успехом, но не для западной коалиции, а для официального правительства Сирии в союзе с Россией, о чем пишет в своей статье американский политолог Д. Тирни. Он назвал следующие причины поражения США в асимметричных конфликтах XXI в.: незнание особенностей местной культуры, вмешательство во внутренние гражданские войны; режим полной оккупации; уничтожение предшествующих политических институтов и создание новых в рамках проектов по нациестроительству. Д. Тирни противопоставил неудачи вооруженных сил США успехам менее оснащенных военных сил Ирана и России, которые одерживают победы за счет знания и учета местной культуры при проведении военных операций в Грузии, на Украине, в Сирии и Ираке².

Реализация Российской Федерацией контртеррористической операции (далее – КТО) в Чеченской республике в начале 2000-х гг. оценивалась как успешная, в отличие от первой кампании, которая однозначно считалась поражением центрального правительства против «мятежной республики»³. В отличие от первой кампании, КТО проводилась не как войсковая операция, а силами МВД и специальными подразделениями. Дискурсивно КТО была вписана в глобальный контекст борьбы с террором, что позволило избежать острой критики со стороны международного сообщества⁴. Урегулирование конфликта происходило по формуле «чеченизации конфликта», то есть кооптации и привлечения на сторону федерального центра части местной элиты для подавления сопротивления⁵. Умиротворение Чечни рассматривается аналитиками как неоднозначное по своим результатам, хотя этот вопрос почти не обсуждается в терминах победы или поражения. Российские специалисты обсуждают затраты на восстановление республики и на поддержание лояльности местной политической элиты; уровень

1 Angstrom, Duyvesteyn 2006; Stepanova 2022.

2 Tierney 2021, 69.

3 Lieven 1998.

4 Golts 2004.

5 Russel 2007.

безопасности в регионе и в стране; состояние мира как персональный контракт между федеральным центром и руководством Чеченской республики; влияние политических процессов в ЧР на политические процессы России в целом¹.

Краткосрочная военная операция России в Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 г. имела официальный статус «принуждения к миру»², за чем последовало размещение российских военных баз в Южной Осетии и Абхазии. Операция завершилась замораживанием конфликта между Абхазией, Южной Осетией и Грузией. Российская Федерация официально признала независимость двух республик, хотя большинство государств по-прежнему считает их территории грузинскими. Абхазия и Южная Осетия полностью зависят в вопросах обеспечения безопасности, экономически и политически от России. Исследуемые в литературе «процессы паспортизации» их граждан российскими документами³ свидетельствуют о высокой степени готовности России обеспечивать их безопасность от повторных попыток Тбилиси силой присоединить «мятежные республики».

Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. обеспечивалось использованием Вооруженных сил РФ и референдумом, по результатам которого полуостров вошел в состав России⁴. Военная поддержка и присутствие регулярных подразделений Вооруженных сил РФ в Донецкой и Луганской областях Украины не признавались Россией, что позволяет наблюдателям трактовать этот конфликт как пример «войны по доверенности», где России противостоят страны-члены НАТО, а Украина является лишь местом военного столкновения. В ноябре 2016 г. в «Отчете о действиях по предварительному расследованию» прокурора Международного уголовного суда (МУС) констатировалось, что «ситуация на территории Крыма и Севастополя равнозначна международному вооруженному конфликту между Украиной и Российской Федерацией» и «продолжающемуся состоянию оккупации»⁵. СВО на Украине продолжает логику превентивного вторжения. При явном силовом доминировании России не удалось достичь быстрой победы. Размах военных действий, количество погибших среди военных и гражданского населения с обеих сторон, миллионы перемещенных лиц и беженцев – все это может быть охарактеризовано как гуманитарная катастрофа. Официальные данные с обеих сторон подтверждают гибель тысяч военнослужащих и мирных жителей, массовые разрушения в крупных городах и малых населенных пунктах, в том числе на территории Донбасса. Североатлантический альянс увеличил в несколько раз свое военное присутствие в регионе после начала военных действий, а нейтральные государства Северной Европы – Финляндия и Швеция –

1 Politykovskaya 2003; Решиев et al. 2019; Голяндин et al. 2021; Танайлова 2021.

2 Хафизов, К. Принуждение к миру // Интерфакс. 09 сентября 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/26093> (дата обращения: 30.05.2022).

3 См., например: Nagashima 2019.

4 Райбман, Н. Путин рассказал, каковы были задачи «вежливых людей» в Крыму // Ведомости. 17 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/04/17/putin-rasskazal-cto-takie-vezhlyivye-lyudi-v-krymu> (дата обращения: 29.05.2022); Прямая линия с Владимиром Путиным // Президент России. 17 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/20796/work> (дата обращения: 29.05.2022).

5 Отчет о действиях по предварительному расследованию // The Office of the Prosecutor. International Criminal Court. 14 ноября 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE-Ukraine.pdf> (дата обращения: 24.04.2022).

рассматривают вопрос о вхождении в НАТО¹. Это дает основания для сомнений в достижимости заявленных целей СВО². При этом действия обеих сторон соотносимы с основными гипотезами теории асимметричного конфликта. Обе стороны заявляют о легитимности своих действий и о следовании принципам международного гуманитарного права, обвиняя противника в нарушении принципов и норм ведения войны. Украина как более слабая сторона конфликта в ресурсном и военном отношении заручилась моральной и материальной поддержкой многих государств, что дает ей возможность продолжать военные действия против Вооруженных сил РФ.

Применение теории асимметричного конфликта

Обращение к теории асимметричного конфликта отражает ее востребованность для понимания особенностей текущих вооруженных конфликтов. По понятным причинам именно военные из развитых и активно воюющих стран проявляют наибольшее внимание к этой теории³. В США интерес к асимметричным конфликтам прослеживается с 1990-х гг., и этот термин используется в документах по стратегическому анализу⁴. С 2008 г. в США издается научный журнал «Динамика асимметричного конфликта», в котором такое противостояние трактуется как конфликт преобладающего в XXI в. типа. В 2010-х гг. в российской аналитике все чаще используются термины «асимметричный конфликт» и «асимметричная война», включая публикации в специализированных журналах «Военная мысль» и «Независимое военное обозрение». В Стратегии национальной безопасности РФ, принятой в июле 2021 г., используются термины «симметричные и асимметричные меры», которые будут применяться в ответ на недружественные действия⁵. На официальном сайте Министерства обороны РФ в разделе «Справочник по терминологии в оборонной сфере» дано определение «асимметричных военных (боевых) действий», которое содержит элементы теории асимметричного конфликта⁶.

Исследователи пытаются ответить на два взаимосвязанных вопроса, которые имеют прикладное значение: почему развитые страны проигрывают такие

1 Times: Швеция и Финляндия могут вступить в НАТО этим летом // Ведомости. 11 апреля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/04/11/917511-times-shvetsiya-i-finlyandiya-mogut-vstupit-v-nato> (дата обращения: 29.05.2022)

2 Президент РФ В.В. Путин назвал цели специальной военной операции в Украине: денацификация и демилитаризация Украины, недопущение вхождения Украины в НАТО, защита России от внешней военной угрозы со стороны западных стран и обеспечение безопасности жителей Донецкой и Луганской областей Украины. См.: Владимир Путин выступил с обращением. Стенограмма // Российская газета. 24 февраля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/02/24/vladimir-putin-vystupil-s-obrashcheniem-k-rossii.html> (дата обращения: 29.05.2022).

3 См., например: Caforio 2012; Cassidy 2003; Ewans 2003; Helmer 2007; Johnson, Tierney 2006; Thornton 2007; Сучков, М.А., Тэк, С. Будущее войны: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Валдайский клуб. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/28848/> (дата обращения: 27.05.2022).

4 См., например: Дериглазова 2010, Сушенцов 2014.

5 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?pn=0001202107030001> (дата обращения: 27.05.2022).

6 «Асимметричные военные (боевые) действия – вид военных (боевых) действий, характеризующихся: неравенством сил, средств, технологий и ресурсов сторон конфликта, когда каждая сторона выбирает наиболее эффективную стратегию (тактику) ведения вооруженной борьбы, исходя из имеющихся возможностей (традиционный подход); совокупностью стратегий и тактик вооруженной борьбы, нарушающих логику традиционных (классических) военных (боевых) действий (тактико-стратегический подход). К асимметричным действиям относятся: партизанские, диверсионно-разведывательные, диверсионно-террористические, террористические и другие действия». По данным: Справочник по терминологии в оборонной сфере // Министерство обороны РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.mil.ru/folder/123102/item/129185/> (дата обращения: 28.05.2022).

войны и как они могут в них победить¹. Прикладная аналитика сфокусирована на трех основных факторах: 1) нейтрализация антивоенных настроений и критики со стороны международного сообщества; 2) обеспечение лояльности населения страны, на территории которой происходят военные действия; 3) выбор победоносной тактики и стратегии.

Одним из факторов поражения развитых стран в асимметричных конфликтах является отрицательное отношение населения воюющих стран и международного сообщества. Учитывая низкую легитимность использования военной силы в настоящее время, в развитых странах обращают особое внимание на легитимацию целей войны для обеспечения поддержки гражданами своей страны и мировым сообществом. Воюющие государства обращаются к международным организациям, таким как ООН, апеллируя к ценностям демократии и гуманизма.

Для поддержания положительного отношения к военным действиям в своей стране важным является достижение поставленных целей в наиболее короткие сроки и с минимальными потерями среди военнослужащих и гражданского населения в зоне военных действий. Ход вооруженного конфликта на Украине соответствует логике асимметричного конфликта. Власти Украины заявляют, что ведут тотальную войну за выживание нации, объявив всеобщую мобилизацию и направив все имеющиеся ресурсы на борьбу. Как отмечают аналитики, для Украины в данном конфликте важно не потерпеть очевидного военного поражения, и поэтому продолжение военного сопротивления представляется правящим элитам важным. Россия же планировала конфликт как ограниченный, что зафиксировано в самом названии «специальной военной операции», с ожиданием достижения быстрой победы с минимальными затратами и жертвами. Аналогичные планы строили в администрации Дж. Буша-мл, планируя за короткие сроки свергнуть режим С. Хусейна и утвердить демократический режим в Ираке (2003).

Г. Мером указал на стратегии, к которым все чаще прибегают развитые страны для снижения потерь среди военнослужащих и нейтрализации антивоенных настроений: использование дистантных и бесконтактных методов борьбы, активное использование частных военных компаний вместо регулярной армии². Оба способа позволяют уменьшить влияние военных действий на общество и сделать войну более «удаленной и несущественной». Следование этим стратегиям заметно в большинстве вооруженных конфликтов начала XXI в. Все чаще воюющие страны используют высокоточное оружие дальнего радиуса действия и беспилотные летательные аппараты для нанесения ударов по намеченным целям. Для армии США с 1990-х гг. характерно неуклонное уменьшение численности военного персонала и резкое увеличение числа боевой техники, не требующей непосредственного управления человеком, во всех родах войск³. Российская армия использует дроны и средства дистанционного поражения целей противника, что прослеживается в ходе СВО.

1 Johnson 2006; Gross 2009; Kaempf 2018.

2 Merom 2012.

3 Morgan, Cohen 2020, 10.

Но важно учитывать критику дистантных стратегий, так как соответствующие действия могут рассматриваться как неизбирательное и непропорциональное применение военной силы¹. В результате таких ударов не проводится необходимое разграничение между военными и гражданскими объектами и гибнет гражданское население. Точечное уничтожение лидеров противостоящей стороны также может рассматриваться как внесудебная расправа². США и Израиль наиболее часто сталкиваются с подобной критикой борьбы против радикальных сил в регионе Ближнего Востока³.

В рамках проекта «Новая асимметричная война в теориях международных отношений» (грант РГНФ, 2015–2017) А.С. Тетерюк и Я.А. Чижевский использовали методы статистического анализа для проверки эффективности бесконтактных методов борьбы. Подсчеты для военных действий международной коалиции в Афганистане выявили устойчивую положительную связь (корреляцию) между количеством нанесенных авиаударов посредством дронов и интенсивностью атак боевиков против сил коалиции. Это означает, что интенсификация авиааналетов приводила к увеличению числа терактов против сил коалиции. Данный вывод ставит под сомнение уверенность в эффективности такого способа борьбы и указывает на некие «важные вопросы морально-этического и юридического характера», которые необходимо решать воюющим странам и всему международному сообществу⁴.

Еще одним значимым аспектом обеспечения победы в асимметричных конфликтах является учет их особенности как войны среди людей, то есть происходящей при постоянном присутствии гражданского населения в зоне военных действий⁵. Для достижения успеха военной кампании необходимо обеспечить безопасность гражданского населения. Проблема обеспечения безопасности и лояльности его по отношению к вооруженным силам развитых стран была сформулирована во второй половине XX в. как борьба за умы и сердца людей британскими военными, которые принимали участие в многочисленных операциях в распадающейся империи⁶. Американские аналитики много писали о стратегиях выполнения этого условия успеха. По мнению А. Лотера, в Афганистане на 2007 г.⁷ военной коалиции в целом удалось решить эту проблему, по сравнению с постоянно ухудшающимся положением в Ираке. А. Лотер полагал, что США смогли обеспечить лояльность местной политической элиты и решили целый комплекс проблем: безопасность местного населения, возвращение беженцев, примирение враждующих племен, подготовка местных сил безопасности, помощь афганцам в проведении реформ в экономике, политике, сфере медицинского обслуживания, образовании, преодоление наследия исламистского режима в отношении женщин⁸.

Прямо противоположную оценку действий коалиции по политическому преобразованию Афганистана дает французский антрополог иранского происхожде-

1 Paulus, Vashakmadze 2009.

2 Weiner 2017; Lefeez 2013.

3 Lieblich, Alterman 2015.

4 Тетерюк, Чижевский 2016, 191–199.

5 Smith 2005.

6 Stubbs 1989; French 1990; Дериглазова 2009.

7 Lowther 2007, 143.

8 Ibid., 135–137.

ния Ф. Адельха, которая полагает, что международная помощь парадоксальным образом усилила фрагментированность афганского общества по этническим и конфессиональным линиям¹. Полный вывод войск США в августе 2021 г. привел к захвату власти «Талибаном». По сути, все многолетние усилия западной коалиции по трансформации Афганистана из страны, представляющей угрозу с точки зрения терроризма и наркотрафика, в демократическую процветающую страну оказались тщетными. При этом военная операция стоила значительного числа жизней афганцев, стала причиной массовой эмиграции, а само движение «Талибан» считается террористическим многими государствами, включая США и Россию. В публикациях американских военных экспертов идет дальнейшая разработка проблемы обеспечения лояльности населения по отношению к воюющей стороне². Эта проблема находит отражение и в работах российских военных экспертов³.

В российской аналитике термин «асимметричный» закреплен в двух концепциях – «асимметричный ответ» и «асимметричная война» – с акцентом на идеологическое и стратегическое противостояние России с развитыми странами и, в первую очередь, с США. Концепция «асимметричного ответа» стала реакцией на Стратегическую оборонную инициативу (СОИ) США в 1983 г., когда СССР смог найти уязвимые компоненты в системе противоракетной обороны США, разработал методы поражения этих компонентов, что делало СОИ неэффективной⁴. Таким образом, асимметричный ответ рассматривается как компенсация неравенства в силовых возможностях и отказ от достижения паритета или преодоления силового доминирования в определенной сфере. Такое видение асимметричного ответа характерно для военно-стратегических и внешнеполитических доктрин. Интересно, что для американских аналитиков это – проблема прогнозирования асимметричного ответа на вызовы держав «второго эшелона», которые не могут прямо противостоять силовому преобладанию США⁵, для российских же военных этот подход подразумевает поиск уязвимых мест у сильного противника⁶.

Концепция «асимметричной войны» разрабатывалась в России в 2010-е гг. с целью выработки асимметричных способов борьбы в рамках геополитического противостояния со странами Запада. Суть концепции асимметричных войн как разновидности геополитического противоборства отражена в коллективной статье российских авторов, опубликованной в журнале *"Survival"*⁷. Авторы указывают, что российские военные сделали пять основных выводов из событий в Сирии и на Украине: 1) внешние силы будут стремиться минимизировать свое прямое участие в конфликте, действуя чужими руками для реализации своих интересов; 2) учитывая быстрое развитие событий и чтобы избежать поражения, Вооруженные силы РФ должны развивать мобильные ударные комплексы, которые позволят наносить постоянные и ощутимые удары по противнику; 3) необходимо раз-

1 Адельха 2022.

2 Cleveland, Egel 2020.

3 Маричев et al. 2021.

4 Кокошин, А.А. Асимметричный ответ номер один // Независимое военное обозрение. – 27 июля 2007. https://nvo.ng.ru/concepts/2007-07-27/4_otvet.html?print=Y; Ознобищев et al. 2008.

5 Morgan, Cohen 2020, 33–37.

6 Хомутов 2021.

7 Chekov et al. 2019.

вите высокоточного оружия, способного наносить удары по выбранным целям на большом удалении; 4) возможность одновременного возникновения угроз безопасности России с разных направлений требует проведения постоянных маневров различных родов войск и размещения передовых мобильных подразделений, включая морское базирование; 5) развитие и совершенствование военной инфраструктуры за пределами России позволит сократить время для возможного нанесения ответного военного удара¹.

Военные специалисты И.В. Максименков и А.С. Богданов дают следующую классификацию «неконвенциональных (асимметричных) способов и методов геополитического противоборства»: «наркоторговля и использование доходов от нелегальной деятельности для финансирования протестов оппозиционных движений и покупки лояльных местных СМИ» с целью «дестабилизации общества»; «перехват управления над крупнейшими корпорациями, разрушение установившегося экономического порядка»; «борьба в медиапространстве» как «противостояние сеток вещания» и медиахолдингов в интересах формирования выгодного для себя информационного пространства; «распространение дезинформации для дискредитации органов государственного и военного управления страны противника, подавления воли личного состава ВС и населения к сопротивлению»; «борьба в сфере международного законодательства», под которой подразумевается «присвоение себе права первым устанавливать правила регулирования международной деятельности в новой сфере»². Схожим образом термин «асимметричный» используется для описания гибридных угроз и гибридных конфликтов в других публикациях российских военных³.

Концепция «асимметричной войны» рассматривается российскими военными как разновидность стратегии борьбы с прокси-противником. Так, А.А. Селиванов и С.В. Чварков указывают на необходимость выработки «аналитической модели асимметричного конфликта» для эффективного решения прагматических задач ведения асимметричных противоборств и критикуют применявшиеся теоретические подходы и политику США в Афганистане и Ираке по формированию лояльности местного населения. Однако эксперты не предлагают нового и оригинального видения асимметричного конфликта, их основное внимание уделено реализации успешной военной стратегии в прокси-войнах, в которых нерегулярные военные формирования получают поддержку от внешних сил. Авторы предлагают классификацию военных действий с прокси-противником в формате «асимметричной войны» для вооруженных сил РФ и Республики Беларусь. Анализ предложенных принципов показывает, что некоторыми российскими военными асимметричные войны зачастую трактуются как опосредованная борьба со странами Запада. Впрочем, эти специалисты не развивают саму теорию асимметричного конфликта и не анализируют причины неудач в таких конфликтах⁴.

1 Chekov et al. 2019, 38–40.

2 Максименков, Богданов 2021, 44–45.

3 Злобин et al. 2021.

4 Селиванов, А.А., Чварков, С.В. Методологический подход к определению асимметричного конфликта: Оценка возможностей, целей, идеологий и мотиваций враждующих сильной и слабой сторон // Независимое военное обозрение. 27 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2020-03-27/1_1087_methodology.html?print=Y (дата обращения: 30.05.2022).

Таким образом, можно отметить явные совпадения и различия в использовании презумпций теории асимметричного конфликта в прикладном анализе в США и России. К совпадающим позициям следует отнести основные факторы, которые учитываются при выработке военных стратегий (легитимность военных действий, минимизация потерь, лояльность населения). Отличия заключаются в том, что военные и аналитики США зачастую прямо обсуждают причины неудач своих военных компаний. Для российской аналитики характерны фокус на разработку концепции «асимметричной войны» как прокси-войны в геополитическом противостоянии и отсутствие критики российских военных действий.

Выводы

Асимметричные конфликты представляют исследовательский парадокс, который показывает ограниченность существующих теорий международных отношений и стратегического анализа, главной категорией которых является понятие силы (*power*). Военные и политики из развитых стран являются интересантами развития этой теории, чьи выводы пригодны для практического использования. Для аналитиков, политиков и военных важно выяснить уроки асимметричных конфликтов, с тем чтобы предотвратить повторение унижительных политических провалов, гуманитарных катастроф, многочисленных жертв и ухудшения безопасности как прямого следствия применения военной силы. Эти обстоятельства делают теорию асимметричного конфликта востребованным аналитическим инструментом, который помогает военным и политикам вырабатывать победоносные стратегии и политику.

Несмотря на то что само содержание понятия «асимметричный конфликт» и разработка теории асимметричного конфликта часто вызывают споры и даже раздражение из-за недостаточной согласованности применения терминов¹, можно утверждать, что основные презумпции этой теории и ее элементы востребованы с точки зрения прикладного анализа и использования военными и политиками. При этом теория как таковая не является для военных и стратегов практическим пособием о том, как выигрывать войны, что нередко вызывает их сожаление². Теория выявляет комплекс факторов и зависимостей, которые включают как военно-стратегические, так и невоенные параметры, и рассматривает вооруженные конфликты как часть социально-политического взаимодействия, где военные факторы подчинены политическим и социальным. Теория достаточно точно указывает на причины поражения сильных государств в асимметричных вооруженных конфликтах, и в военных стратегиях было бы логично учитывать эти обстоятельства. Вклад в развитие теории внесли аналитики, которые имели военный опыт (Э. Мак, Г. Мером, Й. Аррегин-Тофт и др.), что отражает понимание практических особенностей организации военного дела в армиях ведущих стран мира.

1 Степанова 2010; Berglund, Souleimanov 2020; Селиванов, А.А., Чварков, С.В. Методологический подход к определению асимметричного конфликта: Оценка возможностей, целей, идеологий и мотиваций враждующих сильной и слабой сторон // Независимое военное обозрение. 27 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2020-03-27/1_1087_methodology.html?print=Y (дата обращения: 30.05.2022).

2 Kiss 2015.

Анализ асимметричных конфликтов начала XXI в. подтверждает несколько важных презумпций теории. Полномасштабное военное вмешательство развитых государств и размещение значительных воинских контингентов на продолжительное время является контрпродуктивным для достижения победы, обеспечения лояльного отношения местного населения и политического переустройства оккупируемой страны. Более того, военные действия создают условия для эскалации насилия и расширения конфликта за счет появления новых участников или интересантов. Развитие событий в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и на Украине подтверждает эти наблюдения.

Можно выделить несколько основных стратегий и тактик, которые учитывают развитые страны в асимметричных конфликтах. Особое внимание уделяется легитимации военных действий с точки зрения международного права и принципов гуманизма. Важным считается избегание режима оккупации и размещения больших контингентов войск, что влечет за собой проблему обеспечения безопасности местного населения, усиливает вероятность затягивания военных действий, риск гибели военнослужащих в результате терактов или партизанских действий на оккупированных территориях. Важным считается жесткое временное планирование операции и масштаба военного присутствия. Это также необходимо для сохранения положительного отношения к военным действиям населения воюющей страны. Заметно стремление развитых стран уменьшить прямое участие своих военнослужащих в таких конфликтах. Активно развиваются военные технологии, позволяющие наносить поражающие удары на расстоянии без непосредственного присутствия военных (дроны, высокоточное оружие, артиллерия). Тактика и стратегия ведения «гибридных войн» и прокси-войн развиваются и в российской военной аналитике в рамках концепции геополитического противостояния со странами Запада.

Серьезной проблемой современных асимметричных конфликтов становятся «варваризация» и усиление неизбирательного характера ведения военных действий, на что указывают и гуманитарные организации, такие как Международный комитет Красного Креста. В асимметричных конфликтах имеют место жертвы среди гражданского населения тех стран, где разворачивается военное столкновение. Использование дистанционных методов позволяет уменьшить количество погибших военнослужащих, но не гражданского населения. Проект *WikiLeaks* Дж. Ассанжа возник именно для освещения этой стороны ведения войн развитыми странами. Военные, которые предоставляли материалы данному проекту, были озабочены распространенностью данной проблемы. Жесткая реакция правительств США и Великобритании на деятельность Дж. Ассанжа и на проект *WikiLeaks* показывает серьезность отношения к этой информации лиц, принимающих решения.

Анализ намерений и результатов военных операций сильных игроков международных отношений против относительно слабых противников в рамках теории асимметричного конфликта продолжает дискуссии о целесообразности и эффективности применения военной силы для достижения политических целей и о существующих альтернативах военным действиям. Теория асимметричного конфликта не является руководством к действию для вооруженных сил, хотя ее базовые презумпции должны учитываться при планировании и осуществлении

военных кампаний. Теория указывает на контрпродуктивность использования военной силы для достижения политических целей даже, казалось бы, при очевидном силовом превосходстве. Многие асимметричные конфликты XXI в. чреватые необратимыми последствиями регионального и даже мирового масштаба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Адельха, Ф. Война и (ре)конструкция государства в Афганистане: конфликт традиций или конфликт развития? // Сибирские исторические исследования. – 2022. – № 1. – С. 10–35. <https://doi.org/10.17223/2312461X/35/2>.
- Adelkhah, Fariba. "War and State (Re)Construction in Afghanistan: Conflicts of Tradition or Conflicts of Development?" *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia*, no. 1 (2022), 10–35 [In Russian].
- Боришполец, К.П. Конкуренция великих держав в XXI веке: российские подходы и российский дискурс // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 1. – С. 150–165. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.12>.
- Borishpolec, Kseniya. "Konkurenciya Velikih Derzhav v XXI Veke: Rossijskie Podhody i Rossijskij Diskurs." *Polis. Politicheskoe Issledovaniia*, no. 1 (October 28, 2022): 150–65 [In Russian].
- Голяндин, Н.П., Ешеров, А.Г., Шериев, А.М. Криминальные факторы, влияющие на результаты борьбы с терроризмом на территории Северо-Кавказского федерального округа // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 5. – С. 34–39.
- Golyandin, Nicolaj P., A.G. Esherov, and Alberd M. SHERIEV. "Kriminogennye faktory, vliyayushchie na rezul'taty bor'by s terrorizmom na territorii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga." *Probeli v rossijskom zakonodatel'stve*, no. 5 (2021): 34–39 [In Russian].
- Дериглазова, Л.В. К вопросу об эволюции феномена партизанской войны // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 4. – С. 95–103.
- Deriglazova, Larisa V. "K voprosu ob evolyucii fenomena partizanskoy vojny." *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4 (2009): 95–103 [In Russian].
- Дериглазова, Л.В. Асимметричный конфликт в современной американской политологии // Международные процессы. – 2010. – № 2(23). – С. 51–64.
- Deriglazova, Larisa V. "Asimmetrichnyj konflikt v sovremennoj amerikanskoy politologii." *Mezhdunarodnyy processy*, no. 2 (2010): 51–64 [In Russian].
- Злобин, В.А., Корольков, А.И., Метелев, Д.Н. Классификация и оценка асимметричных угроз стационарным потенциально опасным объектам // Военная мысль. – 2021. – № 1. – С. 85–97.
- Zlobin, Vadim A., Aleksandr I. Korol'kov, Dmitriy N. Metev. "Klassifikaciya i ocenka asimmetrichnyh ugroz stacionarnym potencial'no opasnym ob'ektam." *Voennaya mysl'*, no. 1 (2021): 85–97 [In Russian].
- Максименков, И.А., Богданов, А.С. Современные подходы к информационно-аналитической деятельности по выявлению гибридных угроз // Военная мысль. – 2021. – № 5. – С. 42–49.
- Maksimenkov, Igor' A., Aleksandr S. Bogdanov. "Sovremennye podhody k informacii-onno-analiticheskoy deyatel'nosti po vyavleniyu gibridnyh ugroz." *Voennaya mysl'*, no. 5 (2021): 42–49 [In Russian].
- Маричев, М.О., Лобанов, И.Г., Тарасов, Е.А. Борьба за ментальность – тренд современной войны // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 48–57.
- Marichev, Maksim O., Igor' G. Lobanov, Evgenij A. Tarasov. "Bor'ba za mental'nost' – trend sovremennoj vojny." *Voennaya mysl'*, no. 8 (2021): 48–57 [In Russian].
- Ознобищев, С.К., Потанов, В.Я., Скоков, В.В. Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана. – Москва: Ленанд, 2008. – 56 с.
- Oznobishchev, Sergej K., Viktor YA. Potapov, Viktor V. Skokov. *Kak gotovilsya 'asimmetrichnyj otvet' na 'Strategicheskuyu oboronnuyu iniciativu' R. Rejgana*. Moskva: Lenand, 2008 [In Russian].
- Решиев, С.С., Умаров, Р.Х., Ясаева, М.Л. Анализ системных характеристик Чеченской Республики за 2011–2017 годы // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 1 (102). – С. 345–352.
- Reshiey, Sulajman S., Rustam H. Umarov, Madina L. Yasaeva. "Analiz sistemnyh harakteristik Chechenskoy Respubliki za 2011–2017 gody." *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 1, (2019): 345–352 [In Russian].
- Степанова, Е.А. Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия // Военная мысль. – 2010. – № 5. – С. 47–54.
- Stepanova, Ekaterina A. "Asimmetrichnyj konflikt kak silovaya, statusnaya, ideologicheskaya i strukturnaya asimmetriya." *Voennaya mysl'*, no. 5 (2010): 47–54 [In Russian].
- Степанова, Е.А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке. – Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2020. – 198 с. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0583-3>.
- Stepanova, Ekaterina A. *ISIS and the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in Syria and Iraq*. Moscow: IMEMO, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, 2020 [In Russian].
- Сушенцов, А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах. – Москва: Аспект Пресс, 2014. – 272 с.
- Sushensov, Andrej A. *Malye vojny SSHA: Politicheskaya strategiya SSHA v konfliktah v Afganistane i Irake v 2000–2010-h godah*. Moskva: Aspekt Press, 2014 [In Russian].
- Танайлова, В.А. (Не)быть ветераном чеченских войн // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 2. – С. 99–119. <https://doi.org/10.17223/2312461X/32/5>.
- Tanajlova, Valentina A. "(Ne)byt' veteranom chechenskikh voyn." *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2 (2021): 99–119 [In Russian].
- Тетерук, А.С., Чижевский, Я.А. Оценка эффективности военного аспекта стратегии НАТО в Афганистане, принятой при Б. Обаме // Сравнительная политика. – 2015. – Т. 6. – № 2 (19). – С. 110–124. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-2\(19\)-110-124](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-2(19)-110-124).
- Teteryuk, Alexej S., and YAn A. Chizhevsky. "The NATO Strategy in Afghanistan During Obama

Administration. The Military Aspect's Effectiveness Evaluation." *Comparative Politics Russia* 6, no. 2 (19) (January 1, 2015): 110–124 [In Russian].

Тетерюк, А.С., Чижевский, Я.А. Беспилотные летательные аппараты в асимметричных конфликтах // *Международные процессы*. – 2016. – Т. 14. – № 2 (45). – С. 189–201.

Teteryuk, Alexej S., and Yan A. Chizhevsky. "Bespilotnye letatel'nye apparaty v asimmetrichnykh konfliktakh." *Mezhdunarodnye Protssessy* 14, no. 2 (45) (2016): 189–201 [In Russian].

Тетерюк, А.С., Чижевский, Я.А. Теоретико-игровое моделирование асимметричного конфликта казус войны в Афганистане (2009–2016) // *Международные процессы*. – 2018. – Том 16. – № 3 (54). – С. 126–146.

Teteryuk, Alexej S., and Yan A. Chizhevsky. "Teoretiko-igrovoe modelirovanie asimmetrichnogo konflikta kazus vojny v Afganistane (2009–2016)." *Mezhdunarodnye Protssessy* 16, no. 3 (54) (2018): 126–146 [In Russian].

Хомутов, А.В. О противодействии противнику в условиях ведения им «многоосферных операций» // *Военная мысль*. – 2021. – № 5. – С. 27–41.

Homutov, Aleksandr V. "O protivodeystvii protivniku v usloviyakh vedeniya im 'mnogosfernnykh operatsiy'." *Voennaya mysl'*, no. 5 (2021): 27–41 [In Russian].

Angstrom, Jan, and Isabelle Duyvesteyn, eds. *Understanding Victory and Defeat in Contemporary War*. Routledge, 2006.

Arreguín-Toft, Ivan Michael. *How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict*. New York: Cambridge University Press, 2005.

Berglund, Christofer, and Emil Aslan Souleimanov. "What Is (Not) Asymmetric Conflict? From Conceptual Stretching to Conceptual Structuring." *Dynamics of Asymmetric Conflict* 13, no. 1 (January 2, 2020): 97–98. <https://doi.org/10.1080/17467586.2019.1680855>.

Caforio, Giuseppe. "The Concreteness of Asymmetric War: Fragments of Experience." *Connections* 11, no. 3 (Summer 2012): 21–40.

Cassidy, Robert M. *Russia in Afghanistan and Chechnya: Military Strategic Culture and the Paradoxes of Asymmetric Conflict*. Carlisle: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2003.

Chekov, Alexander D., Anna V. Makarycheva, Anastasia M. Solomentseva, Maxim A. Suchkov, and Andrey A. Sushentsov. "War of the Future: A View from Russia." *Survival* 61, no. 6 (November 2, 2019): 25–48. <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1688563>.

Cleveland, Charles T., and Daniel Egel. *The American Way of Irregular War: An Analytical Memoir*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020.

Deriglazova, Larisa. *Great Powers, Small Wars: Asymmetric Conflict Since 1945*. Washington: Woodrow Wilson Center Press & Johns Hopkins University, 2014.

Edwards, Aaron. "Deterrence, Coercion and Brute Force in Asymmetric Conflict: The Role of the Military Instrument in Resolving the Northern Ireland 'Troubles.'" *Dynamics of Asymmetric Conflict* 4, no. 3 (November 2, 2011): 226–41. <https://doi.org/10.1080/17467586.2011.632777>.

Ewans, Martin. *Conflict in Afghanistan: Studies in Asymmetric Warfare*. N.Y.: Routledge, 2005.

Fisher, Ronald J. "Challenges of Power Asymmetry and Justice for Problem-Solving Workshops." *Dynamics of Asymmetric Conflict: Pathways toward terrorism and genocide* 3, no. 3 (2010): 145–161.

French, David. *The British Way in Warfare, 1688–2000*. London, Boston: Unwin Hyman, 1990.

Golts, Alexander. "Military Reform in Russia and the Global War against Terrorism." *The Journal of Slavic Military Studies* 17, no. 1 (2004): 29–41.

Gross, Michael. *Moral Dilemmas of Modern War: Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Helmer, Daniel Isaac. *The Flipside of the COIN: Israel's Lebanese Incursion between 1982–2000*. Fort Leavenworth, Kan.: Combat Studies Institute Press, 2007.

Johnson, Dominic, and Dominic Tierney. *Failing to Win: Perceptions of Victory and Defeat in International Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 2006.

Kaempf, Sebastian. *Saving Soldiers or Civilians?: Casualty-Aversion versus Civilian Protection in Asymmetric Conflicts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Kiss, Peter A. "Book Review: Great Powers, Small Wars: Asymmetric Conflict since 1945 by Larisa Deriglazova." *War in History* 22, no. 4 (2015): 569–571.

Lefeez, Sophie. "Grégoire Chamayou, Théorie Du Drone." *Socio-Anthropologie* 4, no. 28 (December 15, 2013): 168–170. <https://doi.org/10.4000/socio-anthropologie.1617>.

Liebligh, Eliav, and Owen Alterman. *Transnational Asymmetric Armed Conflict under International Humanitarian Law: Key Contemporary Challenges*. Tel Aviv: Institute for National Security Studies, 2015.

Lieven, Anatol. *Chechnya: Tombstone of Russian Power*. New Haven and London: Yale University Press, 1998.

Lowther, Adam. *Asymmetric Warfare and Military Thought*. L.: Glen Segell, 2006.

Merom, Gil. *How Democracies Lose Small Wars: State, Society, and the Failure of France in Algeria, Israel in Lebanon, and the United States in Vietnam*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2003.

Merom, Gil. "The Age of Asocial War: Democratic Intervention and Counterinsurgency in the Twenty-First Century." *Australian Journal of International Affairs* 66, no. 3 (2012): 365–380.

Morgan, Forrest E. and Raphael S. Cohen. *Military Trends and the Future of Warfare: The Changing Global Environment and Its Implications for the U.S. Air Force*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020.

Nagashima, Toru. "Russia's Passportization Policy toward Unrecognized Republics." *Problems of Post-Communism* 66, no. 3 (May 4, 2019): 186–99. <https://doi.org/10.1080/10758216.2017.1388182>

Organski, Abramo, and Jacek Kugler. *The War Ledger*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1980.

Paulus, Andreas, and Mindia Vashakmadze. "Asymmetrical War and the Notion of Armed Conflict – A Tentative Conceptualization." *International Review of the Red Cross* 91, no. 873 (2009): 95–125.

Politkovskaya, Anna. *A Small Corner of Hell: Dispatches from Chechnya*. Translated by Alexander Burry and Tatiana Tulchinsky; with an introduction by Georgi Derluguian. Chicago: Univ. of Chicago press, 2003.

Prados, John. *Vietnam: The History of an Unwinnable War, 1945–1975*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2009.

Russel, John. *Chechnya: Russia's "War on Terror"*. London: Routledge, 2007.

Smith, Rupert. *The Utility of Force: The Art of War in the Modern World*. London: Penguin Books, 2005.

Stepanova, Ekaterina. *Terrorism in Asymmetric Conflict: Ideological and Structural Aspects*. Oxford University Press, 2008.

Stepanova, Ekaterina. "Russia, Central Asia and Non-traditional Security Threats from Afghanistan Following the US Withdrawal." *Global Policy* 13, no. 1 (February 11, 2022): 138–145. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13058>.

Stubbs, Richard. *Hearts and Minds in Guerrilla Warfare: The Malayan Emergency, 1948–1960*. Singapore: Oxford University Press, 1989.

Thornton, Rod. *Asymmetric Warfare: Threat and Response in the Twenty-First Century*. Cambridge: Polity, 2007.

Tierney, Dominic. "Why the United States Is Losing – And Russia and Iran Are Winning." *The Washington Quarterly* 44, no. 3 (2021): 69–87.

Tierney, Dominic. *The Right Way to Lose a War: America in an Age of Unwinnable Conflicts*. New York: Little, Brown & Co., 2015.

Weiner, Allen S. "Just War Theory and the Conduct of Asymmetric Warfare." *Daedalus* 146, no. 1 (2017): 59–70.

Сведения об авторе

Лариса Валериевна Дериглазова,

доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой политики
Факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, 634050, город Томск, пр. Ленина, 36.

e-mail: dlarisa@inbox.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 марта 2022.

Переработана: 30 апреля 2022.

Принята к публикации: 14 июня 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Дериглазова, Л.В. Победы и поражения США и РФ в асимметричных конфликтах XXI века //
Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (2). – С. 23–42.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-23-42>

Victories and Losses of the USA and Russia in Asymmetric Conflicts at 21st Century

ABSTRACT

The article discusses the features of armed conflicts at the beginning of the 21st century through the prism of the theory of asymmetric conflict. Within the framework of the theory, basic and accompanying asymmetries are distinguished, which determine the reasons for the political, rather than military, defeat of developed countries in wars against relatively weak opponents. At the beginning of the 21st century most of the armed conflicts have pronounced signs of multiple asymmetries that affect the course and outcome of conflicts. On the basis of the theory, several important aspects can be distinguished that should be taken into account by the military and politicians when planning and conducting military operations. Among them: the legitimacy of military operations from the point of view of international law, neutralization of anti-war sentiments, minimization of losses of military personnel, ensuring the safety of the population in the war zone. Foreign analytics is characterized by a focus on the reasons for the failures of the United States and other Western states in military operations in Afghanistan, Iraq, Libya, and Syria. Among the reasons for the failures are a lack of understanding of the culture and characteristics of the countries where hostilities are conducted, the regime of occupation, and attempts at nation-building. Some foreign experts note that the Russian Federation is much more successful in participating in asymmetric conflicts of the 21st century. Among Russian military experts, there is a noticeable interest in developing an "asymmetric war" strategy in the framework of the geopolitical confrontation with the countries of the West. The tendency to develop non-contact methods of warfare and the involvement of private military companies to neutralize anti-war sentiments and minimize losses of military personnel has a universal character. At the same time, the problem of non-selectivity of such methods of warfare and their compliance with international law is becoming more and more acute. The theory of asymmetric conflict is a theory of international relations, which main assumptions are useful for politicians and the military to take into account in the process of deciding on the start of hostilities and the possibility of achieving political goals by military means, and not just for finding victorious strategies in asymmetric conflicts.

KEYWORDS

asymmetric conflict, theory of asymmetric conflict, asymmetric warfare, USA, Russia

Author

Larisa V. Deriglazova,

PhD in History, Professor at the Department of World Politics, Faculty of Historical and Political sciences, National Research Tomsk State University, 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36.

e-mail: dlarisa@inbox.ru

Additional information

Received: March, 31 2022. Revised: April 30, 2022. Accepted: June 14, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Deriglazova, Larisa V. "Victories and Losses of the USA and Russia in Asymmetric Conflicts at 21st Century." *Journal of International Analytics* 13, no. 2 (2022): 23–42.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-23-42>